

ПЬЕР-ЛУИ
ГАНЬОН

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ
**ИВАНА
БУНИНА**

К 150-летию со дня рождения Ивана Бунина

Пьер-Луи Ганьон
Исчезновение Ивана Бунина

Издательство «Синдбад»

2018

Ганьон П.

Исчезновение Ивана Бунина / П. Ганьон — Издательство
«Синдбад», 2018

ISBN 978-5-00131-244-4

В этой книге канадский писатель, специалист по русской литературе Пьер-Луи Ганьон приоткрывает завесу над некоторыми тайнами, связанными с присуждением Нобелевской премии Ивану Бунину, ставшему первым лауреатом из русских писателей. ...Реальных претендентов было два – поддерживающий Сталина Максим Горький и эмигрировавший после Октябрьской революции Иван Бунин. Среди сторонников каждого были такие, которые готовы на многое, чтобы обеспечить победу своему кандидату. В центре разворачивающейся интриги оказывается посол СССР в Швеции Александра Коллонтай. Следуя указаниям Кремля, она пытается задействовать все связи в политических и литературных кругах Швеции, чтобы склонить чашу весов в пользу пролетарского писателя. Но повлиять на Нобелевский комитет не так-то просто, а его члены отдают предпочтение Ивану Бунину. В самый разгар этой позиционной борьбы живущий на юге Франции русский изгнанник неожиданно исчезает. Не происки ли это ОГПУ и его агентов из Коминтерна, которыми наводнены все европейские столицы? Назревающий скандал может нанести непоправимый урон престижу Нобелевской премии...

ISBN 978-5-00131-244-4

© Ганьон П., 2018

© Издательство «Синдбад», 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Пьер-Луи Ганьон

Исчезновение Ивана Бунина

К 150-летию со дня рождения Ивана Бунина

*Посвящается Габриель, Жюлю, Мари, Мишель, Николаю, Стефану
и Иву*

Pierre-Lois Gagnon
La disparition d'Ivan Bounine

© Lévesque éditeur 2018

Published in the Russian language by arrangement with *Lévesque éditeur*

Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd., 2020

Sindbad Publishers remercie la Société de développement des entreprises culturelles (SODEC) de son soutien financier pour la traduction de ce livre.

Издательство «Синдбад» выражает благодарность Обществу поддержки культурных инициатив (SODEC) за финансовую поддержку перевода этой книги.

© Издание на русском языке, перевод на русский язык. Издательство «Синдбад», 2020.

Глава 1

Стокгольм, декабрь 1932

Советский посол в Шведском королевстве Александра Коллонтай обвела взглядом почетных гостей. Длинное черное платье с вышивкой в виде роз подчеркивало ее элегантную статью, посадка головы выражала уверенность, однако было заметно, что Коллонтай нервничает.

Ей нравилось стоять в роскошном банкетном зале Стокгольмской ратуши на острове Кунгсхольмен, куда она вместе с другими приглашенными прибыла на церемонию вручения Нобелевской премии по литературе.

После первого бокала шампанского, поданного метрдотелем, Коллонтай взяла второй и, едва пригубив, направилась вглубь зала на поиски достойного собеседника.

В тот день, 10 декабря 1932 года, – а он, в лучших традициях конца скандинавской осени, выдался ненастным и промозглым, – премию Шведской академии вручали британцу Джону Голсуорси за «Сагу о Форсайтах». Роман, действие которого охватывает пять десятилетий, был признан мировым шедевром. Благодаря подробному описанию нравов английской буржуазии «Сага» заслужила высокую оценку и в большевистских кругах.

Коллонтай была бы рада лично поздравить Голсуорси, к которому относилась с большим уважением, но заболевший лауреат на церемонию не приехал. Они познакомились в начале века в Лондоне, когда еще молодая Коллонтай разъезжала по европейским столицам пропагандируя светлые идеалы коммунизма.

Церемония вручения Нобелевской премии по литературе служила дипломатическому бомонду заключительным аккордом в празднествах, вносящих разнообразие в монотонные стокгольмские будни. Присутствие на приеме позволяло его участникам хотя бы на время забыть о неотвратимости бесконечной шведской зимы, которая обещала быть столь же унылой, сколь и предыдущая.

До Александры Коллонтай европейская история не знала женщин-министров. В правительстве Ленина она была первой. Впоследствии ее назначили полномочным представителем, то есть послом – эта должность доставалась женщинам крайне редко. Благодаря своей эрудиции и исключительному опыту эта волевая и искушенная в политике женщина уверенно вошла в высший круг дипломатии.

Зарубежные коллеги Александры Коллонтай в основном относились к ней как к представителю несговорчивого и непредсказуемого советского правительства. При этом внимательный глаз без труда заметил бы, что Коллонтай упорно стремится снять царящее вокруг нее напряжение и по возможности обезоружить своих давних европейских противников. Одни считали ее заурядной светской львицей, другие – безжалостной посланницей тоталитарного государства, но всем было известно, что советский полпред долгое время жила за счет доходов от своих книг, в которых утверждались благородные идеалы. Сочинения Коллонтай пользовались определенным успехом, что позволяло ей не чувствовать себя чужой в среде литературного бомонда.

Ее сборник повестей «Любовь пчел трудовых», увидевший свет в начале 1920-х годов, стал подлинным манифестом феминизма и свободной любви. Его перевели на многие языки, включая японский. Зарубежные издательства продолжали отчислять Коллонтай процент от проданных экземпляров, и ее слава не меркла.

В тот декабрьский день 1932 года перед советским полпредом стояла особая задача: вывести информацию об очередном нобелевском лауреате по литературе. Отчета по этому вопросу от нее с нетерпением ждал нарком иностранных дел Советского Союза Максим Литвинов.

Из кулуарных разговоров Коллонтай быстро удалось выяснить, что кандидатом на награждение может стать русский писатель Иван Бунин. Проклятый советской властью за контрреволюционные взгляды, Бунин уже более десяти лет жил во Франции.

Слух о кандидатуре русского писателя подтвердил норвежец Кнут Гамсун, получивший Нобелевскую премию двенадцать лет назад.

– Вы уверены? – переспросила Коллонтай, не желавшая выдать перед старым плутом, каким она считала Гамсуна, свою растерянность. – Иван Бунин может стать лауреатом в следующем году? Откуда вам это известно? Неужели Бунин – это серьезно?

Одно упоминание этого ненавистного Сталину имени вызвало в ней глухую досаду.

– Абсолютно, – кивнул Гамсун. – У меня, знаете ли, надежные источники. Я слышал о Бунине от трех или четырех человек, близких к Нобелевскому комитету. Но даже если он не получит премию в тридцать третьем, то уж на будущий год – наверняка. Это вопрос решенный.

Коллонтай набрала в легкие побольше воздуха и со свойственным ей напором ринулась в атаку:

– А как же Максим Горький? Почему не рассматривается его кандидатура? Ведь это настоящему большой писатель, автор огромного числа произведений! Разве не пора присудить Нобелевскую премию ему? – Коллонтай чеканила каждое слово.

– Думаю, в этом году о Горьком придется забыть. Проблема в его безоглядной поддержке советских властей, – пояснил Гамсун. – Горький слишком погружен в политику, он слишком много выступает и слишком горячо оправдывает более чем сомнительные деяния большевиков. Это не нравится членам Шведской академии.

Импозантный Гамсун прибыл на прием в ратушу одним из первых. Потребив изрядное количество шампанского, он вплотную придвинулся к Коллонтай. Они были знакомы еще с тех времен, когда Александра работала представителем Советского государства в Осло. Гамсун был несказанно рад сегодняшней встрече и не отходил от Коллонтай ни на шаг.

Назойливые ухаживания столь «завидного» кавалера заставили ее усмехнуться. С каким упорством этот истинный потомок норвежских викингов тщился доказать ей свою мужественность! Злые языки, коих при шведском королевском дворе хватало с избытком, желая поиздеваться над бывшим норвежским подданным, говорили, что Гамсун ежедневно предается распутству и что ему для этого вовсе не требуется призывать на помощь красавицу Сьёфн – северную богиню любви и страсти.

Тем временем словоохотливый норвежский ухажер продолжал потчевать заинтригованную Коллонтай свежими слухами. Он сообщил, что члены Нобелевского комитета обсуждают кандидатуру еще одного русского эмигранта.

– Случайно, не Мережковского? – стараясь скрыть неприязнь, выдавила Коллонтай.

– Вы очень догадливы...

Коллонтай помнила о нем все время, но была уверена, что сумела вывести Мережковского из игры. Как получилось, что его имя всплыло вновь? Известностью Мережковский уступал Бунину, однако его исторические романы «Смерть богов. Отступник Юлиан» и «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи» пользовались популярностью не только в славянофильских литературных кругах.

Услышав о Мережковском, Александра Коллонтай позволила себе слегка скривиться. Узнать от норвежского писателя, что сразу два российских изгнанника, к тому же злостных врага советской власти, в следующем году претендуют на Нобелевскую премию по литературе, – для одного вечера это было чересчур! Расстроенная, она нервно поправляла прическу.

Коллонтай продолжала слушать Гамсуна, который все пел дифирамбы ее крамольным соотечественникам. Через несколько минут она с раздражением осознала, что ей все труднее выносить его болтовню. Она смотрела на собеседника, но видела только его карикатурно

гигантский, прыгающий вверх-вниз кадык... Неужели Гамсун не понимает, что ставит ее в трудное положение? Вот идиот!

Но настоящий шок у нее вызвали не безудержные словоизлияния Гамсуна и даже не его гусарская бравада, а его одобрительные высказывания о нацистах и неприкрытая поддержка Адольфа Гитлера.

– Когда поеду в Берлин, обязательно постараюсь встретиться с Гитлером, – простодушно признался норвежец. – Друзья обещали меня с ним познакомить. Я восхищаюсь фюрером.

Его откровенно ксенофобские речи разозлили Коллонтай не меньше, чем восхваления в адрес Мережковского и поддержка кандидатуры Бунина – Гамсун сам себя записал в его неформальные покровители. Ее терпению наступил конец.

Рассерженная толстокожестью Гамсуна, Коллонтай огляделась по сторонам в поисках кого-нибудь, кто был более дружелюбно настроен ее стране. Ее взгляд упал на посла Французской Республики, Шарля де Ла-Мотт-Сен-Пьера.

Прощаясь с Гамсуном, она театрално погрозила ему пальчиком, а затем звонко чмокнула в щеку. Коллонтай не собиралась портить отношения с этим записным сплетником, который был в курсе всех мелких и крупных интриг, затевавшихся за кулисами Шведской академии.

– До встречи, – шепнула она на ухо Гамсуну.

– Буду счастлив. Может быть, после приема?

Ее следующим собеседником стал Ла-Мотт-Сен-Пьер. С этим утонченным аристократом она сблизилась сразу по приезде в Стокгольм. Парижского дипломата Ла-Мотт-Сен-Пьера, уже давно занимавшего ответственные должности во французском МИДе, явно не вдохновляла жизнь в шведской столице, которую некоторые в насмешку называли Северной Венецией.

Сен-Пьер пустился в рассуждения на тему «в какой стране лучше жить», а Коллонтай думала о том, что в ближайшие месяцы ее ждут великолепные дипломатические приемы во французском посольстве, на которые, по обыкновению, там не жалели средств.

– Все эти северные дали для таких людей, как мы, прямо скажем – не рай, – разливался Сен-Пьер. – Дайте нам праздник! Иначе как выжить в этом мерзком климате, помноженном вдобавок на шведский неповоротливый протестантизм?

Уже через несколько минут Коллонтай перестала слушать. Демагогические речи Сен-Пьера она давно знала наизусть. К тому же француз на все лады расхваливал своего соотечественника Поля Валери, заверяя, что именно он в следующем году получит Нобелевскую премию.

Сен-Пьер делал вид, будто не замечает, как советский полпред норовит вернуть в разговор имя Максима Горького. «Уж если кто и может соперничать с Полем Валери, то только Иван Бунин», – добавил он. После этих слов вконец раздосадованная Коллонтай повернулась к оказавшемуся рядом представителю Великобритании и завела светскую беседу с ним.

Английский посланник был ей симпатичен. Этот образцовый джентльмен чем-то напоминал Коллонтай испанских князей, с которыми она подружилась во время своего недолгого пребывания в Мехико. Самоуверенный англичанин был всегда не прочь посмеяться над чужими недостатками.

До недавнего назначения в Стокгольм он занимал консульскую должность в Ленинграде. Жизнь в бывшей царской столице стала тяжелой, поделился он своими впечатлениями. Изможденные лица прохожих свидетельствуют о том, что люди элементарно недоедают. В стране победила революция, а в общественных местах и скверах толпятся нищие и бездомные. Многие просят милостыню.

Может быть, он специально подначивал ее, добиваясь, чтобы обычно невозмутимая Коллонтай вышла из себя? Она не повела и бровью. Коллонтай приезжала в Москву и, конечно, знала о трудностях, с которыми каждый день сталкивались ее сограждане. Однако в центре

города, особенно на Спиридоновке, где располагался Народный комиссариат по иностранным делам, ничто не напоминало об этих невзгодах.

Коллонтай знала также, что в стране сформировалась новая знать, занявшая роскошные особняки, конфискованные государством у дворян, промышленников и прочих миллионеров. В этих особняках ныне проводили банкеты и устраивали пышные празднества.

Советский полпред решила сменить тему разговора. Конечно, ей не нравилось такое положение дел. Она презирала нуворишей, нагло выставяющих напоказ свои буржуазные манеры, однако она не могла не признать, что сама – занятный парадокс! – принадлежит к привилегированному классу, созданному существующей системой.

Коллонтай заговорила о Голсуорси и о том, какая честь оказана Великобритании Нобелевским комитетом. Дипломат удовлетворенно кивнул головой, однако не лишил себя удовольствия отпустить шпильку:

– Что подумали бы об этой церемонии Шекспир и Мольер? Как все же смешны эти скандинавские аристократы! Слава богу, у них есть для развлечения хотя бы эта премия, иначе о них и вовсе никто никогда не вспомнил бы.

Глава 2

Англичанина увлек за собой знакомый, и советский полпред осталась в обществе откуда-то вынырнувшего финского дипломата. Низкорослый, тщедушный и к тому же рябой посланец Хельсинки мало интересовал Коллонтай. В мужчинах она ценила напор и силу.

Финн привычно начал жаловаться на Республику Советов. Всякий раз, встречая Коллонтай на светском приеме, этот брюзга принимался донимать ее рассуждениями относительно спорных вопросов между правительствами их стран. Факт оставался фактом: граница между СССР и Финляндией протянулась на сотни километров и проходила неподалеку от Ленинграда.

Дипломат опасался повторения событий гражданской войны 1918 года. В то смутное время Россия воспользовалась своим положением, чтобы напасть на Финляндию, ранее входившую в состав Российской империи. Финны тогда оказали яростное сопротивление, и представитель Хельсинки не упускал случая, чтобы лишний раз напомнить об отваге соотечественников.

– К чему ворошить события более чем десятилетней давности? – возразила Коллонтай с видом святой невинности. Ей было отлично известно, что Москва так и не отказалась от замысла вернуть Финляндию под свой контроль – полностью или частично.

Коллонтай, сама потомок выходцев из Финляндии, хорошо понимала эту страну и даже посвятила ей несколько научных работ, в частности «Жизнь финляндских рабочих» и «Финляндия и социализм». В коммунистическом движении она заслуженно пользовалась репутацией специалиста по финскому вопросу.

Вскоре из-за спины дипломата показалась его бойкая супруга – как обычно, готовая внести свою ядовитую лепту в критику советской власти. Послушав финскую чету несколько минут и убедившись, что ничего нового ей не сообщат, Коллонтай решила, что с нее хватит, и отошла в сторону.

Сейчас у Коллонтай были заботы поважнее, чем обсуждение советско-финских приграничных проблем. Голова раскалывалась от боли. Здоровье на седьмом десятке было уже не то: за неделю до этого в посольстве Коллонтай потеряла сознание, и карета скорой помощи доставила ее в больницу.

В последнее время, размышляя о своей жизни, Коллонтай приходила к выводу, что очень устала. У нее больше не было сил вести разговоры о Нобелевской премии по литературе, о Бунине, о Мережковском, о Горьком. Не было сил отстаивать Советский Союз и советский строй. Хотелось покончить с этой безумной клоунадой, перестать лукавить и вернуться наконец к нормальной человеческой жизни.

Но сможет ли она жить нормально в стране, где все давно уже строится на лжи, умолчаниях и обмане? Коллонтай и сама лгала тем, кто хотел верить в ее сказки. Работа есть работа.

В стремлении вырваться из порочного круга Коллонтай даже подумывала, не остаться ли по примеру многих своих сограждан за границей. Например, в США, где ей предлагали престижный университетский пост с возможностью заниматься вопросами женских прав. Но что станет тогда с сыном Мишей, который сейчас в Москве? А с внуком Володей?

Коллонтай знала ответ. И смирилась, решив и дальше покорно играть свою роль. Однако притворяться становилось все труднее. Коллонтай обвела неприязненным взором собравшихся и подумала, что последний раз принимает участие в подобных празднествах. Довольно!

Тем временем опытным женским взглядом она поймала в толпе фигуру шведского писателя Пера Лагерквиста, только-только переступившего порог банкетного зала. Коллонтай слышала о Лагерквисте много хорошего. Газеты сообщали, что вот-вот выйдет его повесть

«Палач» – яростная отповедь гитлеризму. Сделав глоток из своего бокала, Коллонтай направилась к Лагерквисту, который почему-то одиноко стоял среди приглашенных.

На вид писателю было лет сорок. Красивый, стройный, хорошо сложенный, с ясным взглядом. Ни сутулости, ни морщин. Говорили, что Лагерквист – Коллонтай прочла об этом в газетах – порвал с протестантской религией, в которой воспитывался с детства, и ушел в социалисты. Теперь он представлялся верующим безбожником или религиозным атеистом.

Лагерквист прожил несколько лет в «городе света» – Париже, где стал завсегдатаем монмартрских кафе и завел множество знакомств в артистических кругах. Он подружился с Пикассо и активно пропагандировал его творчество в Швеции. Восхищался Августом Стриндбергом и симпатизировал рабочему движению, однако к большевикам так и не примкнул.

Политический журналист и искусствовед, Лагерквист пользовался авторитетом в средствах массовой информации и играл не последнюю роль в культурной жизни столицы. Стокгольмские литературные критики высоко оценили его романы. Кроме того, Лагерквист писал стихи, рассказы и театральные пьесы – он принадлежал к талантливому поколению, которое шло на смену Сельме Лагерлёф и Эрику Карлфельдту.

Александра Коллонтай отметила про себя, что из шведа мог бы получиться недурной любовник. Когда-то она писала, что отдаться мужчине так же просто, как выпить с ним за компанию стакан воды. Так она думала и сейчас, невзирая на осуждение ханжей-пуритан.

Со свойственной ему обезоруживающей непосредственностью Лагерквист весело поприветствовал Коллонтай: она понравилась ему с первого взгляда. Казалось, и писатель в тот вечер не прочь развлечься. Об этой незаурядной женщине он уже знал из газет. В одних ее хвалили, в других над ней посмеивались, но равнодушным советский посол не оставляла никого. Взять хотя бы столичные вечерние газеты «Альфонбладет» и «Свенска Дагбладет» – они исправно сообщали, где сегодня побывала Коллонтай и с кем встречалась.

Стокгольмцы гордились тем, что среди них живет столь экстравагантная персона. Этот суровый город не помнил таких ярких женщин со времен королевы Кристины, не считая разве что актрисы Греты Гарбо, уехавшей в Соединенные Штаты. Но, даже покинув родину, она навеки осталась в сердцах шведов.

У Лагерквиста была своя манера ухаживать. В отличие от развязного пожилого норвежца швед начал с того, что выразил Коллонтай восхищение ее работами, особенно теми, в которых она касалась тонкого вопроса свободной любви. Коллонтай отделяла секс от любви и ратовала за полное равенство полов. Это прославило ее среди молодежи – как в СССР, так и в крупнейших городах Европы.

Комплименты Лагерквиста не удивили Коллонтай. Она к ним привыкла. Своими новаторскими взглядами на взаимоотношения между мужчинами и женщинами она давно снискала славу прогрессивной феминистки. Впрочем, были у постоянного поверенного Советского государства и многочисленные недоброжелатели, именовавшие ее куда менее почтительно – жрицей разврата.

В свое время Коллонтай сумела произвести впечатление даже на тех, кто причислял себя к вольнодумцам. И уж конечно, изрядно шокировала пролетариев и мелких буржуа, впервые заставив их задуматься о своей интимной жизни.

– Уверен, не только женщин, но и мужчин ваши увлекательные статьи убеждают порвать с консерватизмом и тяжелым наследием царизма, – сказал Лагерквист. – Я недавно прочел «Дорогу крылатому эросу!» и, знаете, задумался о собственных отношениях с женщинами. И кажется, я стал меняться. Спасибо вам за это.

Коллонтай улыбнулась: швед неплохо начал! Она, разумеется, помнила, что Ленин считал ее взгляды декадентскими. Традиционалист по части морали, он был далек от ее смелых воззрений. Владимир Ильич полагал их оторванными от жизни и просто нелепыми. А Сталин

– человек еще более консервативный, верный грузинским нравам и обычаям прошлого века – и вовсе открыто потешался над феминизмом Коллонтай.

Весьма польщенная вниманием Лагерквиста, советский посол предпочла умолчать о критическом отношении к ней со стороны большевистского начальства. Старомодная любезность шведа была ей чрезвычайно приятна, и воображение у Александры Коллонтай разыгралось. Она прикинула, чем могло бы завершиться это литературное празднество. До сих пор все происходящее наводило на нее смертную скуку.

Коллонтай вспомнила об одном гостеприимном отельчике на острове Кунгсхольмен, где она когда-то удачно провела ряд встреч сугубо личного характера. Не пора ли навеститься туда снова? Коллонтай уже стала немного забывать, когда в последний раз нежилась в мужских объятиях, тогда как в ней вновь закипала кровь...

Лагерквист не был изнеженным фатом. За внешностью утонченного эстета скрывался крепкий парень, и Коллонтай внезапно захотелась близости с ним. От шведа исходила мощная энергия. Может, и вправду уединиться с ним после приема?

Однако чары развеялись, стоило шведу заговорить о Нобелевской премии и поделиться с послом слухами из стокгольмских литературных кулуаров. Упомянул Лагерквист и о том, что скоро – возможно, в 1933 году – награду собираются вручить проклятому Ивану Бунину.

Коллонтай не знала, что ответить. Похоже, надвигалась буря. Имя предателя русской революции было у всех на устах, повсюду только о нем и твердили. Кто же стоит за всем этим? И одобрит ли кандидатуру Бунина Нобелевский комитет? Неужели седовласые шведские академики в самом деле намерены поднять на щит этого контрреволюционера и непримиримого врага советского народа?

А что, если события уже приняли нежелательный оборот и Москва в самом скором времени потерпит унизительное поражение? Все то время, что она провела в банкетном зале Стокгольмской ратуши, Коллонтай внимательно слушала, задавала вопросы и тщательно обдумывала полученные ответы. И поражалась тому вниманию, какое все вокруг уделяли жалкому эмигранту Бунину. Выходило, что в нобелевских кругах его боготворили с той же страстью, с какой ненавидели в кремлевских кабинетах.

Значит, нужно поднажать. Устраивать больше обедов и ужинов с влиятельными лицами. Иначе говоря, тратить больше времени и сил на предприятие, результаты которого вовсе не очевидны. Александру Коллонтай мучил один и тот же навязчивый вопрос: как не допустить вручения Бунину премии, если уже решено, что он – наилучший кандидат?

К ее глубокому разочарованию, Лагерквист принялся расхваливать творения русского изгнанника. Швед сравнивал их ни много ни мало с произведениями Марселя Пруста: ах, эти запахи, звуки, краски, эти воспоминания – как много общего с великим французом!

Внимательно слушая писателя, Коллонтай не заметила, как к трибуне направился шведский академик, почтенный Пер Хальстрём. Представитель Нобелевского комитета поправил микрофон и начал речь, посвященную Джону Голсуорси, прикованному в тот момент к больничной койке в Хэмпстеде.

– Ваше величество! Дамы и господа!

При первом знакомстве с творчеством Джона Голсуорси создается впечатление, что оно спокойно течет по своему руслу, питаемое неутомимым вдохновением. Однако к литературе Голсуорси пришел не сразу. Он, как бы сказали англичане, родился с серебряной ложкой во рту – не знал нужды, изучал в Оксфорде и Хэрроу право, но отказался от карьеры юриста и предпочел вместо этого путешествовать по миру. За перо он впервые взялся в возрасте двадцати восьми лет, после настойчивых просьб приятельницы и исключительно ради развлечения, однако, и это важно подчеркнуть, не без определенных предрассудков по отношению к писательскому ремеслу, присущих людям его круга...

Глава 3

Вскоре после завершения нобелевской церемонии в кабинете Коллонтай раздался телефонный звонок. На проводе был сам Сталин. Она удивилась, хотя и догадывалась, что привлекла внимание вождя одной своей недавней инициативой.

Озабоченная репутацией проживающих за рубежом советских граждан, Коллонтай составила памятку под названием «Чего не надо делать на приемах» – плод ее собственных печальных наблюдений. Документ предназначался подчиненным Коллонтай – работникам посольства, а также представителям советской диаспоры, принимающим участие в организуемых ею официальных мероприятиях.

Памятка излагала нормы этикета, которыми соотечественники Коллонтай часто пренебрегали. Например, в ней предписывалось перед деловым приемом принять душ или ванну, а также переодеться во все чистое. Чтобы не шокировать окружающих легендарным русским обжорством, Коллонтай рекомендовала дипломатическим работникам не бежать первыми к накрытому столу и, самое главное, не начинать есть до того, как к нему приблизятся все остальные. Она также советовала не слишком увлекаться крепкими спиртными напитками, дабы торжественный прием не превратился в вульгарную попойку.

Начальником Коллонтай был нарком иностранных дел, рафинированный Максим Литвинов. Он показал ее брошюру Сталину, грубость и отвратительные манеры которого стали притчей во языцех. Кто в высших правительственных сферах не слышал рассказов о том, как вождь мирового пролетариата метал за столом хлебные шарики в понравившихся ему женщин?

Коллонтай была довольна своей инициативой, но и представить себе не могла, что она вызовет такой отклик. Глава правительства счел нужным поблагодарить ее лично! В последнее время разговаривали они редко, однако беседа получилась душевной.

Впрочем, революционные годы, когда Коллонтай, ослепительная дива на пике своей славы, была на равных со Сталиным, рядовым членом Петроградского Совета и Центрального комитета партии, давно канули в прошлое. Эпоха, когда Ленин, уважавший Коллонтай за пропагандистский талант и ораторское мастерство, ценил ее больше Сталина, завершилась.

Нынешнему хозяину Республики Советов нравилось, когда подданные называли его отцом народов или гениальным вождем революционных масс. Впрочем, с тех пор как Сталин сосредоточил в своих руках всю власть, в некоторых оппозиционных кругах его стали совсем не лестно именовать кремлевским людоедом и помесью тирана с хамом.

Коллонтай было об этом известно.

Звонок Сталина польстил ей, но и насторожил. Почему вождь говорил с ней так вкрадчиво? Почему задавал вопросы о семье, о будущем ее единственного сына Миши, о внуке Володе? Зачем вдруг спросил, нравится ли ей в Стокгольме и не жалеет ли она о бывшей должности полпреда Советского государства в Осло и Мехико?

Коллонтай с тревогой ждала, но так и не услышала сакраментального вопроса о злосчастном Бунине. Она прекрасно знала: слухи о том, что шведы собираются наградить русского изгнанника, уже дошли до Кремля и вызвали интерес Сталина.

Определенную популярность Бунину принесла повесть «Митина любовь», но прославили его рассказы, в частности «Господин из Сан-Франциско». Привлекла внимание публики и «Деревня», опубликованная еще до Первой мировой войны. Ее хвалил сам Горький. Недавно изданную «Жизнь Арсеньева», в которой звучали автобиографические мотивы, одобрили самые требовательные критики.

Но настоящим оскорблением для большевистской власти стал гневный антисоветский дневник «Окаянные дни». В нем Бунин описывал первые годы ленинского правления и клей-

мил его варварские методы. «В человеке просыпается обезьяна», – писал он и заключал, что «все пропало» и «Россия летит в пропасть».

В телефонном разговоре Сталин ни разу не упомянул писателя-контрреволюционера, но это не принесло Коллонтай облегчения. Из осторожности она решила тоже не заговаривать о Бунине.

Желая лишний раз продемонстрировать преданность партии и вождю, Коллонтай не пожалела уничижительных слов в адрес Льва Троцкого. Она знала, что в коммунистических ячейках Скандинавских стран у того имелись верные сторонники. По примеру своего кумира они яростно обличали советское руководство.

Коллонтай обрушила град проклятий на предателя, бросившего родную страну и укrywшегося в далекой турецкой деревушке. Эта филиппика изрядно потешила вождя народов, и, обменявшись дежурными любезностями, собеседники простились и повесили трубки.

Сталину было приятно узнать, что в советском посольстве в Стокгольме на банкетах подают грузинские вина, и в том числе – его любимую хванчару. Он обрадовался, услышав, что это вино занимает почетное место на торжественных обедах и им угощают гостей пролетарского государства в ноябре – в честь праздника социалистической революции, в марте – в честь женского дня, а в мае – в честь трудящихся всего мира.

* * *

Максим Литвинов был доволен докладами о Бунине, которые регулярно присылала Коллонтай.

Полпред подробно отчитывалась о мерах, предпринимаемых для того, чтобы не допустить присуждения Нобелевской премии Бунину и продвинуть Максима Горького; последний, несмотря на упрямое сопротивление шведов, оставался в числе наиболее вероятных кандидатов. Игра еще не закончена, повторяла Коллонтай, все впереди.

В те декабрьские дни она по очереди ужинала с каждым из уважаемых членов Шведской академии. Местом встреч служил роскошный ресторан «Гранд-отеля». Более элегантного места в Стокгольме было не найти.

Шведская академия была создана по примеру Французской и объявила своей целью заботу о чистоте шведского языка и издание словаря. В состав академии вошли писатели, историки, филологи и лингвисты. Однако со временем благородная институция превратилась в неприступный бастион консерватизма. Коллонтай прекрасно понимала: Советскому государству с его устремлениями на академию рассчитывать нечего.

После смерти химика Альфреда Нобеля, невероятно обогатившегося на изобретении динамита, Шведская академия получила право ежегодно чествовать писателя, внесшего наиболее выдающийся вклад в мировую литературу. Соответствующую премию основали и впервые присудили в 1901 году.

«При академии, – объясняли любознательному советскому послу, – сформирован экспертный совет, который делает выбор в соответствии с критериями, установленными филантропом Нобелем». Но та задавала все новые вопросы.

Коллонтай узнала, что в первый год существования премии набралось несколько десятков кандидатов. Все они были родом из Западной Европы, в основном из Великобритании, Франции, Германии и Испании. Заваленные заявками, ученые мужи из Нобелевского комитета не могли прочитать все поступившие в жюри книги. Это было попросту невыполнимой задачей.

Чтобы облегчить себе труд, академики поменяли подход. Первыми внимания удостоивались заявки, поданные официальными и уважаемыми государственными учреждениями –

например, Французской или Испанской академией. Если в стране не было своей академии, действовали иначе.

В своем выборе Нобелевский комитет полагался также на мнения университетов и писательских ассоциаций. От заявок не было отбою: все литературные школы, кланы и объединения мечтали, чтобы их представитель заслужил престижную награду. Однако и этим эрудированным и высокообразованным людям не всегда удавалось избегать мелких дрызг, бурных споров и бессмысленных ссор. Впрочем, члены Шведской академии понимали, что литераторы – люди со своими слабостями, и относились к эксцессам спокойно.

С начала века в список нобелевских лауреатов по литературе попал лишь один неевропеец – индеец Рабиндранат Тагор. Философ, художник и композитор, он писал на бенгальском, а в своих выступлениях никогда не забывал напомнить о крайней бедности своей родной Калькутты. Тагор был давним другом Советского Союза.

За обедами в «Гранд-отеле» Коллонтай не упускала возможности напомнить об этом своим шведским гостям. Разве связи индийского гуманиста с СССР не легитимировали в какой-то мере политический выбор советских руководителей? Разве они не служили своего рода оправданием идеологических и культурных ориентиров, которые утверждал в своем творчестве Максим Горький?

Лишь одна женщина заслужила Нобелевскую премию по литературе – Сельма Лагерлёф. Писательница, которую считали столпом Шведской академии, уклонилась от приглашения советского посла. А Коллонтай так рассчитывала на ее поддержку! Лагерлёф сослалась на свою занятость. Может быть, боялась не устоять перед легендарным обаянием русской феминистки?

Престиж Нобелевской премии по литературе слегка компрометировало одно обстоятельство. Со дня ее основания минуло тридцать лет, но ни один русский писатель так и не удостоился почетной награды. И дело было отнюдь не в отсутствии достойных имен.

Многие предлагали Льва Толстого, поясняли шведы Коллонтай, – но великий русский писатель, оказавший колоссальное влияние на последующие поколения, умер, не дождавшись премии. Бурно обсуждалась кандидатура Антона Чехова, но этот талантливый автор скоропостижно скончался в сорок четыре года.

Некоторые академики по секрету признавались Коллонтай, что подобное пренебрежение к русским писателям – или, скорее, недостаточное к ним внимание – ошибка, которую необходимо исправить. Посол Страны Советов видела в этом надежду на перемены к лучшему.

В «Гранд-отеле» гостям подавали лучшие французские вина и изысканные блюда, приготовленные поваром, прибывшим из Парижа. Все это стоило Коллонтай немалых денег. При этом она была вынуждена с грустью признать, что итог литературно-дипломатических ужинов оказался неутешительным. Чрезвычайно неутешительным.

Шведы мило улыбались Коллонтай, заверяли, что понимают ее озабоченность, всецело соглашались с тем, что русская литература – явление мирового масштаба. Какие тут могут быть сомнения? Достоевский, Гоголь и Тургенев – подлинны гении прозы минувшего века – вызывали всеобщее восхищение.

Что касалось Горького, то тут никто не мог ничего обещать. Более того, шведы не скрывали своего скепсиса.

– Вам известно, что премия присуждается за творчество в целом, – говорили ей. – А ваш соотечественник господин Горький в последние годы, похоже, исписался. Его произведения как-то потускнели... Судя по всему, вдохновение его покинуло. С тех пор, как...

Коллонтай недвусмысленно дали понять: Шведская академия ни в коем случае не позволит себе сделать политический выбор в пользу кандидатуры советского писателя, который в последнее время сам только и делает, что вмешивается в политику. Горький упорно поддержи-

вает советскую власть, вновь и вновь подчеркивали академики, которая беззащитно попирает демократические свободы.

Настаивая на своем, шведы без всяких церемоний цитировали показания советского военного атташе в Стокгольме. После побега из родного посольства он выступил с публичными заявлениями о политической обстановке в Советской России. «Этот высокопоставленный военный чиновник открыл нам глаза на чудовищную действительность вашей страны, подтвердив имевшие хождение самые дурные слухи о ней», – откровенно говорили ей некоторые из членов академии.

Напрасно советский посол произносила дежурные речи об историческом значении Октябрьской революции 1917 года, продолжившей дело Великой французской революции с ее лозунгами свободы, равенства и братства. Эта политико-романтическая риторика не находила у собеседников отклика.

Но готова ли Шведская академия чествовать презренного контрреволюционера Бунина? Коллонтай казалось, что последнее слово в этом деле еще не сказано. Близкий к Москве член академии, регулярно посещавший обеды в «Гранд-отеле» и симпатизировавший Компартии Швеции, по секрету сообщил советскому послу содержание экспертного доклада. Доклад давал надежду на то, что имя Бунина будет удалено из нобелевского списка.

Автор доклада вынес мятежному писателю суровый приговор: «В его произведениях не чувствуется глубокой творческой мощи. Он не владеет и истинным даром рассказчика. Его персонажи не способны зажить в нашем воображении собственной жизнью. Иными словами, в его творчестве отсутствуют главные достоинства, отличающие русскую литературную традицию».

Довольный тем, что угодил Александре Коллонтай, этот академик, тщетно отстаивавший перед коллегами кандидатуру Максима Горького, передал ей и заключительные слова эксперта: «Великая традиция русского повествовательного искусства в творчестве Бунина представлена слабо».

Чтобы окончательно разобраться, что творится в Шведской академии, Коллонтай решила обратиться к ее постоянному секретарю Перу Халльстрёму, эрудиту и человеку безупречной репутации. До этого полпред не искала с ним встречи, опасаясь нарушить негласные правила этикета.

Приглашение на ужин Халльстрём принял не сразу. Ему было известно, что в последние недели Коллонтай ведет интенсивную агитационную работу, от которой уже пострадал кое-кто из его коллег.

Отметив про себя, что маневрам Коллонтай не хватает тонкости, Халльстрём все же решил прийти в «Гранд-отель», однако не к ужину, а раньше.

Он ответил на все вопросы постоянного поверенного Советского государства и, будучи по натуре человеком прямым, не стал скрывать, что главным предметом споров было соответствие позиции претендента последней воле Альфреда Нобеля. Верный страж храма литературы, Халльстрём подчеркнул, что завещатель четко обозначил критерий отбора кандидатов на премию: произведения должны воплощать и отражать идеалистическое мировоззрение автора, тогда как Максим Горький работает художественным методом социалистического реализма.

Халльстрём также подчеркнул, что не доверяет суждениям республиканских литературных организаций – российских, грузинских, украинских или узбекских, – слишком зависимых от центральной власти. Они дружно поддержали кандидатуру Горького, но эта поддержка недорого стоит, поскольку они лишены права мыслить и действовать свободно.

Несмотря на настойчивость Коллонтай, Халльстрём так и не сказал, в какому заключению пришел Нобелевский комитет. Раздраженный учиненным ему допросом, постоянный секретарь вежливо, но твердо отказался удовлетворить любопытство Коллонтай, чем немало ее удивил.

И все же в тот вечер Коллонтай вернулась в посольство с ощущением, что еще не все потеряно. В битве против Бунина она рассчитывала на своего близкого друга Валериана Довгалецкого – полпреда СССР во Франции, который по распоряжению Литвинова мог без лишнего шума задействовать свои многочисленные парижские связи.

Глава 4

Париж, середина декабря 1932

На французскую столицу обрушился ледяной ливень, и, спасаясь от разбушевавшейся стихии, прохожие спешили укрыться в ресторане «Ле-Пети-кафе» на авеню дез-Абес, обычно в предвечернее время пустовавшем.

Йосип Брач взглянул на часы и заказал еще пива. От купленной за углом пачки «Голуаз» осталась половина. Дюжий хорват не привык курить так много. Советский полпред назначил ему встречу, но прошел уже целый час, а Довгалецкого все не было.

Агент Коминтерна сожалел, что не уехал в Барселону, где сейчас бушевали националисты. Ему хотелось быть рядом с мексиканским художником Витторио Пазом, его идейным наставником, прибывшим в Каталонию на помощь местным коммунистам.

После учреждения Женералитета¹ каталонцы обрели некоторый суверенитет, что давало им надежду осуществить свою давнюю мечту и сделать эту богатую промышленную область на северо-востоке Испании независимой республикой. Коммунисты, которые на политической сцене были представлены в меньшинстве по сравнению с националистами и анархистами, нуждались в подкреплении. Брач вызвался отправиться добровольцем в Каталонию, но получил решительный отказ.

Коминтерн настоял, чтобы Брач остался в Париже и продолжил ранее начатое: собрал как можно больше сведений о писателе Иване Бунине и, если потребуется, перешел к более активным действиям. Не слишком увлекательное задание для агента его уровня, полагал Брач.

Из окна, у которого он сидел, хорошо просматривалась улица Ле-Пик, где с минуты на минуту должен был появиться полпред Довгалецкий. Брач посоветовал ему выйти на станции метро «Бланш» и подняться по Ле-Пик до авеню дез-Абес. Именно таким путем Брач обычно возвращался домой.

Он вступил в ряды Коммунистической партии Югославии, еще учась в семинарии, и, ступенька за ступенькой поднимаясь по иерархической лестнице Коминтерна, к тридцати пяти годам достиг положения, позволявшего браться за исполнение самых деликатных поручений. С такими, как Брач, шутить не приходилось.

Легкий в общении, прекрасно владеющий несколькими языками и преданный Коминтерну, он играл важную роль в организации, избравшей Париж одним из мест оперативного базирования. Приказы Брач получал от своего московского куратора и от Валериана Довгалецкого.

Что касалось дела Бунина, то Довгалецкий уже предупредил Брача, что в него готово вмешаться ОГПУ, своими грубыми прямолинейными действиями способное сорвать переговоры с французским Министерством иностранных дел по ряду острых вопросов и свести на нет кропотливый труд советских дипломатов.

В тот год Франция и Россия уже подписали пакт о ненападении, но Сталину этого было недостаточно. Перед лицом нацистской угрозы необходимо добиваться большего, объяснял Брачу Довгалецкий, который, как и многие другие, со страхом наблюдал за стремительным взлетом Адольфа Гитлера.

Ситуация, сложившаяся вокруг Бунина, вызывала у Валериана Довгалецкого досаду. Советский полпред успел расположить к себе французов, и ему меньше всего хотелось утратить их с трудом завоеванные симпатии, вмешавшись в судьбу их протее. С французами, не уставал он повторять себе, следует обращаться с крайней осторожностью, они – народ обидчивый.

---

¹ Женералитет – орган местного самоуправления Каталонии, учрежденный в Испании в 1932 г. – *Прим. ред.*

Единственно верным решением, по мнению Довгалевского, было бы привлечь агента Коминтерна, поручив ему действовать без лишнего шума.

– Уверяю вас, скоро мы получим конкретные результаты, – успокаивал Довгалевский не на шутку встревоженного Максима Литвинова. – Допускать к делу ОГПУ с их топорными методами ни в коем случае нельзя. Йосип Брач – наш друг и ответственный товарищ. Я ему полностью доверяю. Он сумеет убедить Бунина, что не в его интересах принимать Нобелевскую премию. Брач имеет связи с французскими писательскими кругами, а там есть люди, которые нас поддержат.

Смеркалось. В ресторане на авеню дез-Абес агент Коминтерна допил пиво и снова взглянул на часы. Довгалевский опаздывал почти на два часа. Долго еще его ждать? Брач заказал еще кружку своего любимого бланш-де-Брюгге.

Поселившись в Париже, он снял скромное жилье недалеко от церкви Сакре-Кёр, на улице Сен-Венсен. Ему нравился этот простонародный район. Монмартр напоминал агенту Коминтерна Загреб, где он провел детство и отрочество. Всегда одетый в безупречный костюм-тройку, Брач производил впечатление типичного представителя мелкобуржуазной интеллигенции.

Теряясь в догадках, он вспоминал свой последний разговор с Довгалевским. Откуда такая спешка? Да, до присуждения Нобелевской премии по литературе еще есть время, разъяснял ему полпред, однако, судя по некоторым сигналам, уже понятно, какой оборот могут принять события.

За несколько часов до назначенной встречи Брач, сидя в своей квартирке, внимательно просмотрел с полдюжины газет. Изучение текущей прессы было частью его работы и позволяло держать руку на пульсе политической ситуации во Франции и Европе.

Кроме того, чтение новостей помогало Брачу совершенствовать французский, в котором он делал явные успехи. Агент проверил по словарю «Ларусс» – с этой книгой он не расставался – значения слов «*tropisme*» и «*mansuétude*». С последним все было ясно – «снисходительность», но вот со словом «*tropisme*» возникли сложности.

Согласно «Ларуссу», оно обозначало «неявную силу, определяющую наклонность к чему-либо группы или сообщества». Словарь приводил следующий пример: «В России существует исторический тропизм к Европе, однако ее культура уходит корнями в Азию, в частности в вопросе, касающемся нравов».

Штудирова прессу, Брач всегда начинал с «Юманите», которая служила ему идеологическим ориентиром. «Юманите» была основана социалистом Жаном Жоресом, но в силу странных исторических обстоятельств стала флагманом ортодоксальных коммунистов, равнявшихся на Сталина.

«Юманите» прилежно пропагандировала воззрения вождя мирового пролетариата, как почтительно именовали Сталина ее журналисты. Руководящим указаниям «самого уважаемого человека» внимали и Коммунистическая партия Франции, и связанная с ней боевитая профсоюзная структура – Всеобщая конфедерация труда, и другие подконтрольные Советам организации.

В их число входила и Ассоциация революционных писателей и художников, возглавляемая журналистом Полем Вайяном-Кутюрье. Не так давно, рассуждая на тему «воспитания нового человека», он опубликовал в этой коммунистической газете серию статей о пятилетках и ее героях-стахановцах – передовиках производства, перевыполнивших планы.

Читатели «Юманите» из числа так называемых попутчиков – художники, интеллектуалы и литераторы, очарованные левой идеей и верившие в коммунизм, – черпали в газете сведения, помогающие им защищать свою позицию в политических дебатах, в основном касающихся репутации Советского Союза.

К противникам сталинизма «Юманите» относилась так же, как к ним относились в СССР, считая их ренегатами или, что еще хуже, троцкистами, подразумевая, что последних не возбраняется уничтожать любыми доступными способами. Но самое главное, не следовало проявлять ни малейшего снисхождения к европейским социал-демократам, в первую очередь к немецким. Даже упорная борьба против нацистов и Адольфа Гитлера не спасала их от ярлыка предателей рабочего класса.

Йосип Брач просматривал и бульварную прессу, особенно свою любимую газету «Пети Паризьен». Совсем недавно он прочитал в ней интервью с писателем Дмитрием Мережковским. Мережковский жил в Париже на улице Колонель-Бонне и вместе со своей женой, поэтессой Зинаидой Гиппиус, основал литературно-философское общество под красивым названием «Зеленая лампа», объединявшее русскую эмигрантскую интеллигенцию.

Блистательный автор исторических романов, Мережковский после прихода Ленина к власти покинул Россию. Подобно многим другим, он мечтал о Нобелевской премии и прилагавшейся к ней крупной денежной сумме, надеясь поправить свое отчаянное материальное положение. «Жизнь эмигранта трудна», – наивно признавался он журналисту. Действительно, дела у проклятого советской властью Мережковского шли хуже некуда.

Он также заявил, что ни при каких условиях не вернется на родину, в концентрационный ад – по крайней мере, пока в его горячо любимой России будут заправлять ненавистные большевики. «Дневники», опубликованные его женой, Зинаидой Гиппиус, буквально дышали ненавистью супругов к красным, в которых они видели воплощение Антихриста – тема, особенно дорогая сердцу Мережковского.

Дочитав «Пети Паризьен», Брач вырезал статью и убрал в папку «СССР и Нобелевская премия по литературе», добавив к множеству других. В последние дни, после вручения премии британцу Джону Голсуорси, папка пухла на глазах.

А вот статья в «Эко де Пари» заставила Брача нахмуриться. Кандидатуру Ивана Бунина поддержал сторонник коммунистов Ромен Роллан, сам нобелевский лауреат. Возможно, звонок Довгалецкого был связан именно с этим обстоятельством.

Но почему Ромен Роллан, верный попутчик компартии, повел себя подобным образом? Неужели он не слышал публичных заявлений Москвы? Разве не читал в «Юманите» статьи Вайяна-Кутюрье, восхвалявшего Максима Горького – единственного писателя, заслужившего одобрение Сталина?

Брач пришел к выводу, что в этом деле следует проявить крайнюю осторожность. Он отхлебнул еще пива и вновь посмотрел на часы. Довгалецкого по-прежнему не было видно. Брач уже пожалел, что по настоятельной просьбе Довгалецкого предложил ему встретиться в этом удаленном от посольства районе, изменив привычному кварталу Маре, расположенному в двух шагах от мэрии.

Брач закурил еще одну сигарету и выглянул в окно. Дождь утих несколько минут назад, и авеню дез-Абес вновь заполнилась прохожими. Мимо пробежал разносчик «Фигаро», во все горло выкрикивая главную новость дня: «Специальный выпуск! Специальный выпуск! Только что ушло в отставку правительство Эдуара Эррио!»

Брач поманил разносчика к себе. Несколько других посетителей ресторана тоже бросились к нему, спеша купить свежую газету. Хотя правительство во Франции менялось каждые полгода, сообщение привлекло всеобщий интерес. Брач с лихорадочным волнением пробежал глазами первую страницу.

Премьер-министр и по совместительству министр иностранных дел Эдуар Эррио лишился всех своих должностей. Брача его низвержение с политических высот не особенно удивило. После окончания Первой мировой войны Франция успела пережить полтора десятка правительств.

Он догадался, что Довгалеvский и его советники из посольства на улице Гренель сейчас были заняты анализом изменившейся конъюнктуры и составлением срочного сообщения в Москву. В лице Эррио СССР только что потерял ценного друга.

Глава 5

По стеклу вновь забарабанил холодный дождь. В окно «Ле-Пети-кафе» Брач видел, как катавшиеся на карусели дети вмиг соскочили с деревянных коняшек и разбежались кто куда. Он оглянулся по сторонам и понял, что посетителей в зале почти не осталось.

Владелец ресторана – спортивного вида мужчина и участник «Тур де Франс», о чем свидетельствовали фотографии на стене, спросил, не желает ли Брач чего-нибудь еще. Агент покосился на него с любопытством: за вкрадчивыми манерами хозяина явно читался какой-то намек. Он улыбнулся и попросил еще пива. Вдали от мексиканского друга-художника Брачу повсюду чудились намеки.

Поняв, что ему, возможно, придется задержаться в этом заведении на неопределенное время, Брач раскрыл меню. Выбрал жареную картошку, которой славился «Ле-Пети-кафе», и сочный антрекот со стаканчиком хорошего бордо. «Вот она, жизнь агента Коминтерна в Париже!» – с удовлетворением подумал он.

Брач не завидовал своим товарищам, работавшим в других европейских столицах или оставшимся в Москве. Из своего пребывания в Советской России он с удовольствием вспоминал только продолжительные командировки в Сочи, на Черноморское побережье, где он проводил занятия с начинающими агентами.

Он продолжил листать «Фигаро» и наткнулся на статью об очередных дебатах о природе сюрреализма. Каталонский художник Сальвадор Дали, проездом оказавшийся во французской столице, оспаривал право авторства на основании этого художественного течения у Андре Бретона. Ссоры эксцентричных нарциссов развеселили Брача. Впрочем, упускать этих шутов из виду не следует, подумалось ему. Пусть они и не готовы поддержать коммунистов, но могут принести пользу.

Брач уже собрался заказать себе ужин, когда на пороге возник Довгалецкий. В своем старомодном костюме он мало походил на дипломата, напоминая скорее бродягу в галстук. Черные очки, очевидно надетые для маскировки, закрывали ему половину лица, но никого не могли ввести в заблуждение, и Брач про себя посмеялся над этой нелепой уловкой.

Довгалецкий радушно поздоровался с Брачем, но не рискнул признаться, что за ним следили агенты французских спецслужб. Чтобы ускользнуть от них, пришлось сделать в метро две лишние пересадки.

– Как будем действовать? – извинившись за опоздание, спросил Довгалецкий. – Максим Максимович ждет результатов, и немедленно. В Стокгольме наши топчутся на месте. Кремлю это не нравится.

– Результаты будут, поверьте. Этого Бунина не признают.

Но его слова не успокоили Довгалецкого, который заметно нервничал.

– А тут еще Эррио ушел! – подсадовал он, на мгновение забыв о судьбе русского писателя. – Сколько сил потрачено зря! Теперь все придется выстраивать заново. Пока неизвестно даже, кто сменит Эррио в Министерстве иностранных дел.

– Подождем, пока объявят состав нового правительства, и тогда посмотрим. В любом случае ждать недолго. Все же Франция – наш союзник.

– Это верно. Франция всегда много значила для России, так повелось еще со времен Петра Первого. Правда, потом Наполеон все подпортил... Но нашу дружбу просто так не разрушишь! – вдруг с пафосом воскликнул Довгалецкий. – Свидетельством тому – пакт о ненападении, который мы подписали в прошлом месяце!

– Это вы ловко провернули! – поддакнул Брач.

– Да, но ситуация слишком нестабильна! – отвечал Довгалецкий. – Общественное мнение переменчиво и порой к нам враждебно. После убийства президента Поля Думера русским

эмигрантом французы стали нас бояться. Многие считают, что в этом деле не все ясно. И пресса пишет о нас плохо. Русофобия, что тут скажешь!

Они помолчали. Убийство президента Французской Республики, произошедшее несколько месяцев назад, сильно навредило репутации Советской России, и без того не блестящей. Действительно, сотни тысяч французов потеряли свои сбережения в царских займах, долги по которым большевистское правительство выплачивать отказалось. Отношения между обеими странами по-прежнему омрачало обилие неразрешенных противоречий, и отставка кабинета Эррио ничуть не способствовала улучшению ситуации.

– Так что мы предпримем по поводу Бунина? – поинтересовался Брач.

– Для начала можно попросить его заявить представителям Шведской академии, что он не считает себя достойным премии. В общем, что-то в этом роде...

– Вы смеетесь? Это для них не аргумент!..

– Литвинов говорил мне, что моя стокгольмская коллега, Александра Коллонтай, уже готовит для этого почву. Она ведет там активную работу.

– Гм...

– Как вы знаете, Коллонтай – очень опытный товарищ. Не стоит ее недооценивать.

– Ни в коем случае! Я в курсе ее способностей.

– В крайнем случае Бунин мог бы признаться членам Нобелевского комитета, что он не чувствует себя в безопасности. Что он опасается за свою жизнь. Конечно, это следует сформулировать тоньше. Нельзя допустить, чтобы кто-нибудь подумал, будто советское правительство угрожает своим бывшим соотечественникам.

– По-моему, это полная утопия, – ответил агент Коминтерна. – Никто в это не поверит. Шведы все же не дураки.

Полпред был явно расстроен. Он отхлебнул немного бланш-де-Брюгге и взглянул на меню.

– Нашим приоритетом остаются взаимоотношения с Францией. Литвинов прилагает неимоверные усилия, чтобы заключить с Парижем пакт о взаимопомощи.

– Знаю.

– А у этого отщепенца Бунина здесь полно друзей, в том числе, как вам известно, среди наших сторонников. У него, например, прекрасные отношения с Андре Жидом. Если с Буниным что-то случится, шум, думается мне, дойдет и до набережной Орсе. Жид имеет влияние даже на президента Республики.

– Так что же нам делать? – прервал его Брач.

– Выходите на Жида. Он что-нибудь посоветует.

– Вы действительно так думаете?

– Он нам поможет, главное – правильно обрисовать ему положение вещей. А если он откажется, у нас в запасе есть Ромен Роллан.

* * *

Андре Жид упорно уклонялся от разговора с Брачем. Тот звонил ему каждый день, предлагая встречу, но все было напрасно. Агент Коминтерна уже начал подозревать, что они поставили не на ту лошадь.

Он знал, что Жид знаком с Буниным. Несколько лет назад писатели случайно столкнулись в театре «Вьё Коломбье». Разногласия по ряду вопросов, особенно по отношению к Советскому Союзу, не мешали Бунину и Жиду испытывать уважение друг к другу, и время от времени они встречались в Провансе.

Брач размышлял: как Жид отнесется к присуждению Бунину Нобелевской премии? Согласится ли он помочь Москве помешать русскому изгнаннику добиться высокой награды?

Чем ответит на его просьбу надавить на Бунина и убедить его добровольно выйти из литературной гонки?

Выдвинутый волею судьбы на авансцену политических и литературных схваток, вдохновляемых коммунистической партией, Андре Жид слыл верным сторонником Москвы. Но с некоторых пор автор «Имморалиста» все больше тяготился ролью лучшего друга СССР. Теперь Жиду, поначалу увлеченному советским экспериментом, претила сама мысль о безоговорочной поддержке большевиков.

Он ни в коем случае не желал превращаться в марионетку Сталина. Жид отказался вступить в Ассоциацию революционных писателей и художников, хотя и симпатизировал ее участникам. Но назойливые звонки Брача, которые он расценивал как попытку оказать на него давление, ему категорически не понравились.

В итоге они договорились встретиться в Люксембургском саду сразу после Рождества. С первых же минут разговора писатель объявил Брачу, что считает себя свободным человеком и не собирается изменять своим принципам. К французу нужен особый подход, понял агент, иначе его не убедить в том, что Бунин – предатель и враг пролетариата.

Судя по его решительному виду, Жид был крепким орешком. Таким нелегко манипулировать. Несколько лет назад он открыто выступил против колониальной политики в Конго, чем заслужил репутацию человека, не боящегося говорить правду. Он сурово осудил французскую буржуазию, к которой сам принадлежал, за эксплуатацию африканских народов.

В тот день писатель ясно изложил Брачу свою позицию по отношению к СССР. Невозможно и даже холодно он объяснил, что его не устраивает положение творческой интеллигенции в пролетарском государстве. До него доходили многочисленные слухи о печальной судьбе литераторов, недостаточно яростно отстаивающих ценности пролетарской культуры. Фактически они были лишены возможности творческого самовыражения.

Писатель не скрывал горечи и возмущения, которые будили в нем некоторые действия Москвы. Свидетельства достойных доверия очевидцев, побывавших в СССР, наводили его на мысль о том, что в стране творятся недопустимые вещи. Возможно, настороженность Жида объяснялась тем, что ни на одно из писем, адресованных его другу Горькому, он так и не получил ответа.

Брач слушал молча. Вот уже полчаса они бродили по аллеям Люксембургского сада. В небе плыли кучерявые облака. Брач заметил, что Жид то и дело бросал заинтересованные взгляды на проходивших мимо юношей. Внезапно разбушевавшийся ветер поднял клубы пыли, и собеседникам пришлось искать укрытие.

– Может, пропустим по стаканчику? – кивнув на ближайший бар, предложил агент Коминтерна. – Похоже, этот ветер не стихнет до вечера.

В баре Брач начал убеждать Жида, что все его опасения основаны на пустых слухах и домыслах, которые распространяют враги рабочего класса. После прихода к власти Ленина и его соратников представители творческих профессий пользуются неограниченной свободой. Доказательство? Невиданный взлет всех видов искусства, наблюдаемый в Советском Союзе. Молодые таланты громко заявляют о себе в архитектуре, кинематографе, живописи и добиваются огромных успехов.

– Разве великий писатель и близкий друг Сталина Максим Горький смирился бы с ограничением творческой свободы? – воскликнул Брач.

Но этот убийственный аргумент, который агент регулярно пускал в ход, чтобы обезоружить критиков советского режима, не произвел на Жида ни малейшего впечатления. Француз не был наивным человеком. «На лжи ничего прочного не построишь», – заметил он и заговорил о русских эмигрантах, в том числе о Евгении Замятине.

– В издательстве «Галлимар» вышел роман «Мы», запрещенный в СССР. Вы не в курсе? Это роман-антиутопия, действие которого происходит в XXXII веке. На самом деле это пам-

флет, бичующий роботизированное общество, жестоко подавляющее свободу. Кое-кто видит в этой книге сатиру на нынешнюю Россию.

– Гм...

– Еще я слышал, что рассматривается кандидатура Ивана Бунина на присуждение Нобелевской премии по литературе. Если я правильно понял, вокруг Бунина зреет хитроумный заговор под руководством Александры Коллонтай с целью не допустить его избрания. Во всяком случае, так мне говорили мои шведские друзья.

Захваченный врасплох, Брач не нашелся с ответом.

– Государству не следует лезть в подобные дела, – продолжил Жид. – Шведская академия имеет право присуждать свою премию кому захочет. Никакое вмешательство извне недопустимо. Надеюсь, вам ясна моя позиция?

Жид не скрывал, что действия Коллонтай вызывают у него отвращение. Прервав путанные оправдания агента Коминтерна, он сказал, что в знак протеста против таких бессовестных действий может отменить намеченную поездку в Москву.

– Я знаю, что русским писателям в эмиграции трудно добиться признания. К ним здесь не очень-то прислушиваются. Но что касается Бунина, то он – писатель большого таланта. Я читал «Деревню» и другие его произведения, и они произвели на меня сильное впечатление. Он нравится мне как человек, и я восхищаюсь его творчеством. За годы знакомства с Буниным я убедился, что мы с ним совершенно разные люди. У нас не совпадают литературные вкусы, взгляды, идеалы. Но это ничуть не умаляет моего уважения к нему.

Брач слушал, как француз расхваливает русского писателя. Ему стало абсолютно ясно, что в деле устранения Бунина из списка нобелевских кандидатов рассчитывать на Жида бесполезно. Брач выпил еще чашку кофе и простился с французом. Вернувшись домой, он позвонил Довгалевскому. Оба сознавали, что оказались в тупике.

– Это развязывает руки агентам ОГПУ, – заметил Брач. – Если только не вмешается Ромен Роллан.

Роллан, поселившийся в швейцарском городке Вильнёв, не жалея сил и энергии, пропагандировал из своего уединения идеи пацифизма. По его мнению, в текущий момент не было задачи важнее, чем предотвращение новой мировой войны, вероятность которой росла с подъемом нацизма, представлявшего для СССР серьезную угрозу.

– Роллан занят подготовкой конгресса сторонников мира, который весной должен состояться в Париже, – уточнил Довгалевский. – Он считает, что сейчас главное – защитить родину социализма.

– Значит, он может нам помочь? – спросил Брач.

– Далеко не факт.

Глава 6

Грас, декабрь 1932

Поколесив по окрестностям Канн, в начале 1920-х Иван Бунин поселился в городке Грасе, на вилле «Бельведер». Обычно зиму он проводил в Париже, где кипела культурная жизнь, но в конце декабря 1932 года предпочел остаться в Провансе, посвятив все силы творчеству.

По мнению его супруги, писательницы и переводчицы Веры Муромцевой, в Грасе было все для удобной жизни: море, горы, мягкий, напоенный волшебными ароматами воздух, пышная природа, а во всегда оживленном старом квартале был еще и кинотеатр.

Бунин, бесконечно дороживший образом прежней России, понимал, что его приверженность традиционным ценностям не вписывается в контекст современности. Вышедшие из лона революции творцы новой пролетарской культуры подвергали остракизму тех, кто воспевал прошлое, вытесняя их на обочину культурной жизни.

Отныне русским писателям предписывалось принимать активное участие в деле радикального обновления общества. Таких грандиозных культурных проектов история еще не знала. В понимании Сталина вся страна должна была засучить рукава, для чего требовалась беспрецедентная мобилизация людских ресурсов.

По приказу ОГПУ закрылись сотни газет и издательств, неугодным авторам заткнули рты. С приходом к власти Сталина литературная жизнь Москвы и других крупных городов еще больше осложнилась. Бунина огорчали новости, приходившие из его любимой России. Он недовольно ворчал и на чем свет стоит костерил нового красного царя, вознамерившегося стереть из памяти народной славную историю дореволюционной России.

Но писатель-изгнанник не терял надежды. Вместе с навещавшими его в Грасе соотечественниками, как и он, бежавшими из большевистского ада, дабы не сгореть в нем заживо, Бунин предавался воспоминаниям о минувших днях, той золотой поре, когда писатели и другие интеллектуалы обладали свободой говорить, думать и творить. «В конце концов сталинский режим рухнет, – рассуждали эмигранты. – Разве такое может длиться долго?»

Но пока их мечта не стала явью, Бунин с монашеским упорством продолжал служить своему призванию. Неукоснительно следуя распорядку дня, он вставал рано, около половины шестого утра, выпивал чашку черного кофе или какао и удалялся в кабинет, окнами выходящий на живописную пальмовую аллею. Бунин знал, что без железной дисциплины и решимости не сможет поддерживать себя в рабочем состоянии.

Обычно после полудня писатель позволял себе сделать перерыв – помимо прочего, чтобы сходить в соседнюю деревушку за покупками. Прогулка и солнечный свет доставляли ему ни с чем не сравнимое удовольствие. В тот день, совершая свой променад, он остановился у витрины книжной лавки «Либерте» – взглянуть на прибывшие из Парижа книжные новинки.

Внимание Бунина привлекла книга недавнего лауреата Гонкуровской премии Ги Мазелина «Волки». Роман обошел «Путешествие на край ночи» Луи-Фердинанда Селина, до последнего момента лидировавшего в списке претендентов. Доктор Детуш² прокомментировал решение академиков одной короткой фразой: «Это все козни издателей...» Бунин подумал, что позже надо будет вернуться за романом Мазелина – книжная лавка открывалась во второй половине дня.

Он дошел до кафедрального собора и тут заметил подозрительного субъекта. Неужели шпион? В прошлом Бунину уже случалось привлекать к себе внимание советских агентов, в частности, когда начали выходить его «Окаянные дни». Слежка продолжалась с неделю, после

---

² Детуш – настоящая фамилия Луи-Фердинанда Селина.

чего его оставили в покое. Однако писатель оставался начеку. От агентов ОГПУ можно было ожидать чего угодно.

Бунин знал, что кремлевский тиран давно имеет на него зуб, и научился быть осторожным. В последние годы писатель решил держаться подальше от политических дрызг и полностью сосредоточиться на творчестве, которое стало смыслом его тихой жизни. Для него не было тайной, что произошло с некоторыми чересчур болтливыми советскими гражданами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.